

DOI: 10.31696/S086919080035384-9

ИСЛАМСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ ИРАНА

© 2025

Г.А. ПИМАНОВ^а

^а – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7903-4371; gleb.pimanov202@gmail.com

Резюме: Цель настоящей статьи – определить роль и значение исламских традиций в формировании и трансформации городской среды Ирана. Задачи исследования: 1) выявить исторические аспекты проявления исламских норм в городской жизни Ирана; 2) проанализировать структурные изменения, произошедшие в городской политике страны за последние 100 лет; 3) оценить влияния этих изменений на роль исламских традиций и форм их проявления.

Статья охватывает два ключевых хронологических пласта. Первый связан с историческим наследием исламских принципов градостроительства, таких как социально-пространственное разделение городской структуры, четкое разграничение частной и общественной жизни, а также концепции Таухид и человекосоразмерности, которые определяли организацию городской жизни в доиндустриальную эпоху. Второй пласт посвящён современному этапу, начавшемуся в XX веке под влиянием многовекторной модернизации. Активное заимствование западных технологий и урбанистических моделей привело к трансформации архитектурного облика городов, массовой автомобилизации, изменению традиционной структуры семьи и повседневных практик. Особое внимание уделено периоду после 1979 года, когда Исламская Республика Иран (ИРИ) провозгласила стратегический курс на возрождение религиозных традиций в противовес западному влиянию. Однако несмотря на антизападную риторику, ИРИ продолжает участвовать в глобальных процессах и активно перенимает мировые тенденции в урбанистике, что поднимает вопрос о соотношении традиций и инноваций в современной городской жизни Ирана, актуальный для многих современных городов. При этом имеются архитектурные течения, которые стремятся вернуть в иранские города традиционные принципы исламского градостроительства, но в силу ряда причин эта тенденция сохраняет утопический характер.

В заключении делается вывод о постепенном снижении роли религиозного фактора в урбанистическом развитии Ирана, несмотря на сохранение ислама как важного элемента культурной идентичности.

Ключевые слова: урбанистика, иранский город, ислам, Иран, традиции, модернизация, Восток

Для цитирования: Пиманов Г.А. Исламские традиции и особенности устройства современных городов Ирана. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 188–197. DOI: 10.31696/S086919080035384-9

ISLAMIC TRADITIONS AND FEATURES
OF THE STRUCTURE OF MODERN IRANIAN CITIES

© 2025

Gleb A. PIMANOV^a^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7903-4371; gleb.pimanov202@gmail.com

Abstract: *This article is devoted to the analysis of the ways in which Islamic traditions were reflected in the urban life of Iran in the past and the description of their current state, which was formed under the influence of the multi-vector modernization process that began in the early 20th century. Since that time, Western ideas and technologies have been actively adopted, which has led to a change in the external appearance of cities and their internal structure. The Islamic Republic of Iran (IRI), formed after the 1979 revolution, has taken a course towards building an Islamic state and returning to religious traditions. At the same time, despite the anti-Western rhetoric, the IRI continues to participate in global processes and actively adopts global trends in urban planning, which raises the question of the relationship between traditions and innovations in the modern urban life of Iran, relevant for many modern cities. Based on this, the purpose of this article is to determine the role and significance of Islamic traditions in the cities of Iran. The objectives include: 1) identifying the main aspects of the manifestation of Islamic norms in urban life in Iran; 2) analyzing the structural changes that have occurred in the cities of Iran over the past 100 years; 3) description of the influence of these changes on the role of Islamic traditions and the form of their manifestation.*

The article concludes that the role of the religious factor in the development of modern Iranian cities has been transformed.

Keywords: urban studies, Iranian city, Islam, Iran, traditions, modernization, East

For citation: Pimanov G.A. Islamic Traditions and Features of the Structure of Modern Iranian Cities. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 188–197. DOI: 10.31696/S086919080035384-9

ТРАДИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ГОРОДОВ ИРАНА

Начиная с VII века Иран является неотъемлемой частью исламского мира и развивается в его традициях, что характерно для всех сторон жизни, в том числе и городской. Структура городов носит в целом универсальный характер [Ревзин, 2019], имеющий своеобразные черты в первую очередь в зависимости от местных климатических и ландшафтных особенностей, под действием которых во многом складываются этнокультурные и религиозные характерные черты. Своеобразие традиционных городов исламского мира состоит в том, что религиозный фактор выполняет легитимизирующую функцию по отношению к форме, в которой проявляются такие факторы, как система социальной организации, правовая/политическая система, культурные нормы.

Так, ислам закладывает основу для социального разделения населения через принадлежность к мусульманской общине. Эти различия при определенных условиях могли быть переведены в пространственную сегрегацию по этническому и религиозному признакам в виде конфессиональных и этнических кварталов, заселявшихся членами одного сообщества. Притом по мнению американского социолога Джанет Абу-Лугод, подобное разде-

ление редко было принудительным, а складывалось в связи с определенными экономическими или политическими преимуществами [Abu-Lughod, 1987].

Другим важным фактором является требование к ограждению частной (семейной) от общественной жизни, их разделению, которое отражалось в разных масштабах: от дома до города в целом. Это было связано с проявлением стремления к скромности в пространственном теле города. Притом здесь имело место не только предотвращение физического контакта со сторонними людьми членов семьи, в первую очередь женщин и детей, но и защита визуальной конфиденциальности, что достигалось за счет использования таких архитектурных приемов, как отсутствие окон, выходящих на улицу, или использование деревянных решетчатых экранов, расположение дверей в шахматном порядке на узких улицах с многочисленными изгибами (рис. 1)¹, обнесение плоских кровель бортиком на уровне выше человеческих глаз, а также в функциональной планировке домов.

С точки зрения конфиденциальности традиционный иранский дом состоял из двух зон: внутренней, «андаруни» (“*andarooni*”) и общей, «бируни» (“*birooni*”) [Foruzanmehr, 2018, p. 32]. Первая зона, организованная вокруг внутреннего двора, предназначалась для семейной жизни и домашних дел, служа местом для женщин и детей. Бируни было пространством в первую очередь для мужчин, создавая буфер между «андаруни» и внешним миром. Основная функция «бируни» заключалась в том, чтобы обеспечить возможность принимать мужчин-гостей и людей, не являющихся близкими родственниками, при этом не нарушая семейную жизнь. Но это было свойственно в большей степени для владельцев зажиточных домов.

Не во всех домах бедных жителей была возможность разделить свое домашнее пространство на «андаруни» и «бируни», в таком случае было необходимо использование дополнительного участкового пространства, на которое переносилось понятие дома, вплоть до границ улицы или всего квартала [Abu-Lughod, 1987]. Соседи же, которые могли случайно получить визуальный доступ в частное пространство семьи, становились частью воображаемой родственной группы, которая населяла квартал. Поэтому тщательно оберегались входы во внутренние территории кварталов, чтобы никто чужой не мог в них проникнуть. Такое использование общей территории вокруг дома имело несколько последствий. Во-первых, это влияло на городское зонирование, жестко разделяя его на общественные и частные зоны. Все общественные виды деятельности жителей были сосредоточены в общественных местах (базарах, торговых улицах, в мечетях) и на основных уличных магистралях. Во-вторых, это сделало соседские отношения краеугольным камнем социальной системы городов.

Это привело к тому, что жилым районам предоставлялась значительная степень автономии, поскольку многие государственные чиновники (в том числе надзиратели за общественной моралью) действовали в основном в коммерческих, общественных частях города и тоже не могли нарушать границу частного пространства. Благодаря этому такие функции, как поддержание улиц и коммунальных услуг, охрана территории, обеспечение освещения, надзор и санкционирование поведения и т.д., осуществлялись общинными организациями кварталов [Abu-Lughod, 1987]. Более того, первостепенное значение имели права семей и квартальных общин в вопросах локального землеустройства.

Градостроительное регулирование сверху традиционно велось *post factum*, на уже сложившейся вернакулярной городской почве, или же при создании городских ядер и основных транспортных артерий в таких крупных градостроительных мероприятиях, как закладка новой мечети, перестройка дворца или крепостной стены, прокладка торговой улицы. Тем самым правительство возводило символические центры городской среды –

¹ Рис. 1–2 см. на цветной вклейке.

мечети и медресе, резиденции, которые были воплощением власти. Этим ограничивалась градоформирующая деятельность правительства. Затем происходило обрастание жилой застройки вокруг ядра и вдоль коммуникационных путей, откуда начиналось народное градостроительство, практически никак не регулируемое сверху.

Данная практика породила философскую концепцию урбанизма, выраженную термином «Умран» (عمران). Как отмечают исследователи [Космарская, Космарский, 2019], это понятие отражает восприятие города в качестве естественно развивающегося организма, чья структура подчиняется принципу Таухида. Таухид как принцип единства Бога и всех частей сотворенного им мира представляет собой интегрирующий принцип гармонии [Abd Al-salam, 1998]. Согласно этому принципу, город представляет собой единство всех своих частей, ни одна из которых не должна выходить из гармонического равновесия всей городской ткани. При этом он создает не равенство всех частей целого, а систему их соотношения, основанного на иерархии, что проявляется как в социальной среде, так и в архитектурной. Так, пространственными и высотными доминантами преимущественно являются религиозные постройки [Достиев, 2018], что выражает идею о центральном значении религиозной жизни и объединения населения вокруг нее. По отношению к ним все остальные здания должны быть равны и не могут возвышаться друг над другом, занимать особое место. Архитектурный ансамбль формируется по принципу соподчинения: второстепенные постройки, лишённые внешней роскоши, акцентируют внимание на внутреннем убранстве, создавая баланс между аскетизмом экстерьеров и насыщенностью интерьеров. Тем самым достигается визуальное равенство отдельных объектов застройки.

Другим проявлением принципа Таухид является система взаимоотношений человека с природой. В исламской традиции природа имеет сакральную сущность, поскольку создана Богом и является частью Его мира. Поэтому человек не должен относиться к ней потребительски и эксплуатировать ее [Джавадлы Гамар Айдын, 2019]. Подобное отношение проявляется в городской среде двояким образом. Во-первых, учет природных условий связан с необходимостью выживания в том или ином климате, минимизации затрат и рисков в хозяйственной деятельности. Это приводит к максимальному использованию природных факторов в городской среде: от подземных помещений и источников до преобладающих ветров.

Во-вторых, человек является ответственным за состояние природы и не должен нарушать экологическое равновесие [Джавадлы Гамар Айдын, 2019], что побуждает его бережно относиться к имеющимся природным ресурсам, а также создавать вокруг себя природное окружение в виде парков и садов, которые служат не только для микроклиматического комфорта, но и для эстетического и самой своей формой и планировкой воссоздают пространство Рая.

Исследователь традиционной иранской архитектуры Мухаммад Карим Пирния отмечает тесную взаимосвязь между принципом Таухида и концепцией антропоцентризма (Мардумвари). По его мнению, Мардумвари означает стремление учитывать пропорции между строительными элементами и человеком и обращать внимание на его потребности при строительных работах [Khatami, Tawa, 2016, p. 67]. Архитекторы исламского периода стремились к созданию среды, где габариты построек, ширина улиц и организация общественных зон соответствовали человеческому масштабу. Например, вертикальные параметры зданий согласовывались с площадью прилегающих дворов и конфигурацией узких проходов, что формировало камерность городского ландшафта. Кроме того, поселения редко разрастались за пределы, удобные для пешего перемещения.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМСКИХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ ИРАНА

К концу XVII века Иран, после блестящего периода Сефевидов, начал терять экономический потенциал и сталкиваться с политической слабостью. В начале XIX века модернизация воспринималась как военно-экономическая, основанная на европейском опыте, но отсутствие внутренних предпосылок затрудняло переход к интенсивному экономическому развитию. С 1925 года, когда к власти пришла династия Пехлеви, Иран вступил на путь догоняющей модернизации, стремясь ликвидировать отставание от западных стран, которые уже давно прошли этот путь. Период правления Реза-шаха (1925–1941 гг.) стал временем новых попыток модернизации по европейскому образцу, на основе опыта Турции, включая налоговые и секуляристские реформы. Была запущена серия семилетних планов развития для достижения промышленного процветания, произошли изменения в сельскохозяйственной системе, был взят курс на индустриализацию, что привело к быстрой урбанизации Ирана. Так, за последнее столетие население в Иране выросло более чем в 8 раз, а уровень урбанизации только за последние 60 лет увеличился более чем в 10 раз. В результате этого в городах возник ряд проблем, таких как нехватка жилья, отсутствие городской инфраструктуры. Прежние формы градостроительной деятельности не могли помочь найти решения для них, что вызывало необходимость использования культурного опыта Западных стран.

Были импортированы западные технологии строительства. Использовались зарубежные материалы, такие как бетон, стекло и сталь, и методы, например, сборное возведение зданий, приглашались западные специалисты, а иранские архитекторы учились за рубежом. В 1944 году 38 молодых архитекторов под руководством Кайгобада Зафара и вице-президента Али Садеха создали Ассоциацию иранских дипломированных архитекторов, миссию которой они видели в том, чтобы перестроить, переосмыслить текущую ситуацию в иранских городах [Habibi et al., 2016, p. 32]. Они критиковали практические и теоретические подходы традиционного иранского градостроительства и в противовес его принципам возводили объекты в международном стиле, использовали западные способы научной стандартизации пространства. На иранские условия переносились новые модели планирования. Так, Абдул-Азиз Мирза Фарманфармаян представил первый генеральный план Тегерана в 1968 году², в котором он следовал лос-анджелесскому образцу [Habibi, Hourcade, 2005]. Также по мере заимствования элементов западной городской культуры возникли новые формы социализации и досуга, такие как променады по бульварам, езда на велосипеде, посещение кинотеатров и торговых центров.

Произошедшая в 1979 году Исламская революция привела к тому, что страну покинули западные компании, но общий ход и принципы городского развития сохранили свое направление. Был взят курс на решение острых жилищных вопросов. Важным событием стало принятие в 1983 году политики финансовой самодостаточности городов, что привело к усилению зависимости муниципалитетов от экономической эффективности строительства и от доходов, получаемых за счет сборов за строительство зданий [Barakrou, Keivani, 2016, p. 155]. В результате начали меняться технико-экономические показатели новых проектов с целью удешевления их реализации.

Данные факторы отразились на структуре и внешнем виде иранских городов. Их размеры в результате значительного роста населения, несмотря на увеличение плотности застройки, расширились, что имело несколько социокультурных последствий.

Первое последствие связано с тем, что размеры городов стали превышать оптимальные размеры для пешеходной доступности. Поэтому внутригородские поездки все чаще

² Реализация генерального плана, принятого на 25 лет, была прервана исламской революцией 1979 г.

совершались с помощью автомобилей. Города стали воплощением плана по обеспечению автомобильной доступности, по западному образцу.

Новые широкие автомобильные магистрали прорезались сквозь старую городскую структуру и привели к полному ее изменению: возникла новая система землеустройства, произошла стандартизация формы земельных участков, соответствующих прямоугольным кварталам и улицам, а также появилась необходимость автомобильного доступа к каждому дому – все это придало новым жилым массивам более регулярное расположение и планировку [Foruzanmehr, 2018, p. 32–37]. Традиционный центральный двор исчез или стал примыкать к улице, позади или перед домом. Соответственно исчезли и внутренние скрытые от внешних глаз пространства дома, а окна жилых помещений стали выходить на внешние фасады. При этом требование к конфиденциальности внутреннего пространства, его непросматриваемости достигалось за счет большой этажности домов или с помощью жалюзи и решеток на окнах.

В это же время меняется структура домохозяйства в крупных городах. Патриархальная экономическая структура расширенной семьи была подорвана ослаблением традиционных источников дохода, на которых она основывалась [Фархуджаста, 2009, с. 64–77]. Финансовые ресурсы в обществе сосредоточились у молодых рабочих, которые были младшими в старой семейной иерархии. Они часто предпочитали жить независимо, что привело к росту спроса на жилье. Этот спрос был также вызван повышением уровня жизни и увеличением населения. Следствием стало удорожание городских земель, что стимулировало возведение многоэтажных зданий с компактными жилыми помещениями. В таких условиях снизилась возможность квартиры поддерживать разделение внутреннего пространства на общее и женское. Вместе с тем стали исчезать условия, при которых жители могли перенести понятие дома на территорию квартала, поскольку новые принципы проектирования лишили застройку общего внутреннего пространства или придали жилым массивам открытые границы, которые не могут защищать от доступа людей извне. С другой стороны, принцип разделения пространства по гендеру перешел в иную плоскость и сохраняется в некоторых местах общего пользования, таких как образовательные учреждения, где имеется разделение классов по гендеру, или в общественном транспорте, где отведены отдельные вагоны метро для женщин или женские зоны в автобусах.

Второй момент, вытекающий из роста городов, связан с соотношением старой части города с новой. И тут можно выделить несколько основных типов подобного соотношения. В соответствии с первым типом, новый город строится на отдалении от старого, не оказывая особого влияния на его исторически сложившуюся структуру. В результате получается две отдельные части города, связанные между собой автомобильными и экономическими связями. Примером такого положения может быть город Шуштер, где новые районы отделены рекой от старого центра, который сохранил свой традиционный образ и первоначальную городскую ткань. Другой тип показывает органическую связь старой застройки и новой, переплетение их планировочной структуры, как в городе Йезд. В нем старый центр сохранил свое значение, но вокруг него, в новых районах, возник периферийный пояс городских центров меньшего размера и значения [Кешмири, 2009] (рис. 2). Города следующего типа по большей части отказались от исторической планировки, что было вызвано усиленной автомобилизацией, которая требовала новых планировочных решений уличной сети, примером такого города может быть Сабзевар. Принятие того или иного типа для развития старого города зависело от множества факторов, в первую очередь, от соотношения сил и интересов различных агентов городского развития [Ледаев, 2012].

После начала курса на модернизацию строительством управляло правительство, иранские и западные компании, не имеющие связи с жителями на местах и возводившие для

них новые здания и целые районы. Вследствие этого была прервана градостроительная традиция, когда жители кварталов сами обеспечивали свои жилищные потребности, соответственно, они больше не могли влиять на происходящие в городе процессы и направлять их в нужное русло. Это препятствовало сохранению и развитию традиционных форм квартальной коллективности и со временем привело в новых районах к снижению значения соседских связей. После Исламской революции 1979 года усилилось значение правительства при определении основных направлений градостроительного развития и частных решений. Но в последние десятилетия намечается возвращение к участию общественности в городском управлении. Так, в 1999 году путем публичных выборов были утверждены городские советы, которые являются началом для полноценного участия общественности в определении стратегий городского планирования [Каширипур, 2023]. Другим направлением новой тенденции является организация общественных обсуждений тех или иных вопросов городской жизни. Примером может выступить общественная выставка, проведенная на основе исследования точек зрения жителей города Хаштгерд на модели потребления энергии и потребности в городском развитии [Schröder, Schmithals, 2016]. Но стоит отметить, что юридической силы такие собрания не имеют, а, скорее, служат для выражения различных мнений, которые могут повлиять на разработку проектов городского планирования.

Помимо сноса исторических домов, в старых городах Ирана может происходить процесс социальной трансформации. Так, состоятельные семьи, жившие прежде в традиционных городских усадьбах, расположенных в центральных районах, переселяются в новые элитные районы с закрытой территорией. Это связано с тем, что в кварталах с традиционной застройкой не хватало городских объектов, общественных и инфраструктурных, хорошего общественного транспорта и хорошей доступности для автомобилей. А традиционно используемые конструкции и материалы не отвечали новым требованиям комфорта. Исправить подобные проблемы без массового сноса исторической застройки было затруднительно, поэтому старые кварталы начали заселяться малообеспеченными мигрантами, что может превращать некоторые районы центра в зоны отчужденности. Иммигрантов особенно привлекали исторические центры из-за обилия больших домов и количества пустующих объектов недвижимости [Foruzanmehr, 2018, p. 37–38]. В таких случаях дома постепенно ветшают, потому что в них ремонт не проводится или проводится в незначительных объемах. В ином случае старые усадьбы теряют свою жилую функцию и становятся городскими учреждениями, что приводит центры к опустению.

Третье последствие связано с воздействием городской среды на природу. Окружающая среда не может избежать трансформации по мере усиления экстенсивных процессов урбанизации. Природные территории оказываются наименее защищенным элементом в городской структуре, когда встает вопрос о реализации новых проектов. Так, для физического расширения города используются природные и сельские земли вокруг него для массовой застройки. Также сады и парки нередко используются для решения проблемы нехватки места в черте города, например, были снесены два парка для строительства станций метро «Гейтария» и «Садр» в Тегеране. Помимо этого, экономическое развитие привело к увеличению цен на землю, в результате чего собственникам земли бывает иногда выгоднее намеренное осушение садов в черте города с целью получения разрешения на строительство высотных зданий. Это приводит к нарушению традиционного баланса между природными элементами и городской средой [Mirsadeghi, 2016, p. 141].

В это же время намечается отход от принципа Мардумвари, человекосоразмерности. Наиболее ярко это выражено в архитектуре общественных объектов – торговых комплексов и высотных жилых кварталов. Размер новых строений значительно превосходит

масштаб человеческого тела, а новые городские пространства, разрезанные автотрассами, превышают расстояния, удобные для пешеходной доступности. В городской среде формируются новые доминирующие объекты: телебашни, небоскребы, многоуровневые жилые кластеры, на фоне которых визуально растворяются традиционные элементы вроде мечетей с минаретами.

Необходимо добавить, что современная иранская архитектура, основанная на модернизме и интернационализме, не является монолитной, и в ней имеются течения, которые ставят своей целью объединение многовековых традиций и современных достижений технологий. Эти течения являются реакцией на современную тенденцию к массовости и универсализации. Примером проекта, реализованного в соответствии с учетом старых традиций, может выступать город Шуштер-э-Но. Градостроительная концепция города была направлена на стимулирование социальных контактов – ключевым элементом стала центральная пешеходная ось, связывающая между собой разнообразные зоны для коммуникации. В нее вливаются все улицы и дороги [Diba, 1980]. Жилые дома состоят из больших помещений универсального назначения, сгруппированных вокруг внутреннего двора. Автор стремился создать новое уникальное сообщество, которое выходило бы за рамки доминирующих правил и принципов современного ему общества. Но, как отмечает исследователь архитектуры Реза Ширази [Shirazi, 2016], данный проект имел совершенно иные последствия, чем предполагалось, потому что не соответствовал реальным условиям жизни и требованиям населения к городскому пространству. В результате в городе возникли серьезные проблемы, связанные с его содержанием, перенаселением, использованием общественных пространств не по изначальному применению. Жители стали перестраивать дома, чтобы привести их к требованиям современных условий. Проблема таких проектов заключается в том, что они носят утопический характер в своем противодействии современным социальным практикам и неспособностью возродить старые. Тем самым они нацелены на идеализированное сообщество, а не настоящее и невольно обостряют социальные конфликты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящий момент Иран стремится идти в ногу со временем, в том числе и в вопросах городского развития, что вынуждает городские власти двигаться к поиску новых решений, идущих вразрез с устоявшимися традициями, которым на протяжении многих веков подчинялось иранское градостроительство. Города в свою очередь, подобно живым организмам, приспособляются к новым условиям, что приводит к отказу от части традиций. Одни из них потеряли свою актуальность, подобно сегрегации по этноконфессиональным признакам. Другие противоречат современной централизованной системе градостроительного законодательства. Третьи, сохранившие свое религиозное значение, изменились и перешли в иную плоскость, как это было с пространственным разделением по полу и обеспечением конфиденциальности частной жизни. Безусловно, модернизация городского пространства приводит к закономерному улучшению жилищных условий в городах Ирана. Это в свою очередь увеличивает степень экзистенциальной безопасности, что, по мнению Инглхарта и Норриса, влияет на снижение значения религии [Inglehart, Norris, 2004]. Происходят попытки вернуть некоторые исламские традиции, но они несистемны и принимаются сверху, не всегда соответствуют реальным условиям жизни населения и при этом не влекут за собой кардинальной трансформации современного иранского общества, а поэтому не имеют долговременного успеха.

Это указывает на то, что религиозный фактор в современном градостроительном контексте Ирана частично потерял свою легитимирующую функцию, что совпадает с общемировой тенденцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Джавадлы Гамар Айдын Кызы. Место городской урбанизации и концепции окружающей среды в исламской биоэтике. *Хуманитарни Балкански изследвания*. 2019. № 3(5). С. 90–92 [Dzhavadly Gamar Aidyn Kyzy. Islamic Bioethical Concept of Urbanization and the Environment. *Humanitarian Balkan Research*. 2019. Vol. 3. No. 3(5). Pp. 90–92 (in Russian)].

Достиев Тарих Мейрут Оглы. Средневековая городская культура Азербайджана (инновации и традиции). *Археология евразийских степей*. 2018. № 4. С. 222–225 [Dostiev Tarikh Meirut Ogly. Medieval City Culture of Azerbaijan (Innovations and Traditions). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2018. No. 4. Pp. 222–225 (in Russian)].

Каширипур Мохаммад Махди. Градостроительное законодательство в Иране: исторические события и реализация проектов. *Вестник ТГАСУ*. 2023. № 2. С. 91–102 [Kashiripur Mokhammad Makhdi. Urban Planning Legislation in Iran: Historical Events and Projects Implementation. *Journal of Construction and Architecture*. 2023. No. 2. Pp. 91–102 (in Russian)].

Кешмири Х. Анализ факторов, влияющих на развитие города Шираз (Иран). *Architecture and Modern Information Technologies*. 2009. № 2(7) [Keshmiri Kh. Analysis of factors influencing the development of the city of Shiraz (Iran). *Architecture and Modern Information Technologies*. 2009. No. 2(7) (in Russian)].

Космарская Н.П., Космарский А.А. Исламский город глазами Запада: от ориентализма к мультидисциплинарности. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 12(86) [Kosmarskaya N., Kosmarski A. Islamic City through the Eyes of the West: from Orientalism to Multidisciplinarity. *Electronic scientific and educational journal "ISTORIYA"*. 2019. Vol. 10. No. 12(86) (in Russian)] <https://history.jes.su/s207987840007639-1-1/> (accessed: 25.05.2024).

Ледяев В.Г. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012 [Ledyayev V.G. *Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities*. Moscow: HSE Publ., 2012 (in Russian)].

Ревзин Г. И. *Как устроен город*. М.: Strelka Press, 2019 [Revzin G.I. *How the city is organized*. Moscow: Strelka Press, 2019 (in Russian)].

Фархуджаста Х. *Семья в Иране (ханавада)*. СПб: Петербургское Востоковедение, 2009 [Farkhujasta H. *Iranian Family*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009].

Abd Al-salam I. Architectural Characteristics of The Islamic City. *The Fountain*. 1998. No. 21. January-March. <https://fountainmagazine.com/all-issues/1998/issue-21-january-march-1998/architectural-characteristics-of-the-islamic-city> (accessed: 27.05.2024).

Abu-Lughod J.L. Islamic City – Historic Myth, Islamic Essence and Contemporary Relevance. *International Journal of Middle Eastern Studies*. 1987. No. 2. Pp. 155–176.

Barakpou N., Keivani R.M. The Relationship Between Urban Governance and Sustainable Urban Development in Iran. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iradj Moeini. New York: Springer. 2016. Pp. 153–169.

Diba K. A case study: design concept of Shushtar New Town. *Housing: process and physical form*. 1980. Pp. 41–44.

Foruzanmehr A. *Thermal Comfort in Hot Dry Climates: Traditional Dwellings in Iran*. New York: Routledge, 2018.

Habibi Seyyed M., Hourcade B. *Atlas of Tehran metropolis*. Tehran: Pardaz va Barnamerisie Shahri Publications, 2005. <http://www.irancarto.cnrs.fr/contents.php?v=2&c=3&l=en> (accessed: 22.05.2024).

Habibi R., De Meulder B., Habibi Seyed M. Re-visiting Three Neighbourhoods of Modern Tehran: Chaharsad-Dastgah, Narmak and Nazi-Abad. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iraj Moeini. New York: Springer. 2016. Pp. 31–46.

Inglehart R. D., Norris P. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Khatami Seyed M., Tawa M. From Modesty to Immodesty: A Quranic Reading of Change in the Islamic Iranian City. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iraj Moeini. New York: Springer. 2016. Pp. 61–70.

Mirsadeghi P. Tehran and the Lost Nature. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iraj Moeini. New York: Springer. 2016. Pp. 137–150.

Schröder S., Schmithals J. Citizens as Drivers for Urban Change: Citizens' Exhibition as Participatory Tool. The Case of Hashtgerd New Town. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iraj Moeini. New York: Springer, 2016. Pp. 87–100.

Shirazi M. Reza. From Utopia to Dystopia: Shushtar-e-No, Endeavour Towards Paradigmatic Shift. *Urban Change in Iran: Stories of Rooted Histories and Ever-accelerating Developments*. Ed. by Fatemeh Farnaz Arefian, Seyed Hossein Iraj Moeini. New York: Springer. 2016. Pp. 121–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПИМАНОВ Глеб Алексеевич – аспирант
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия.

Gleb A. PIMANOV, postgraduate student of
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia.

Иллюстрации к статье Г.А. Пиманова

Рис. 1. Улица в г. Кашан. Фотография Г.А. Пиманова.

Fig. 1. Street in Kashan. Photo by G.A. Pimanov.

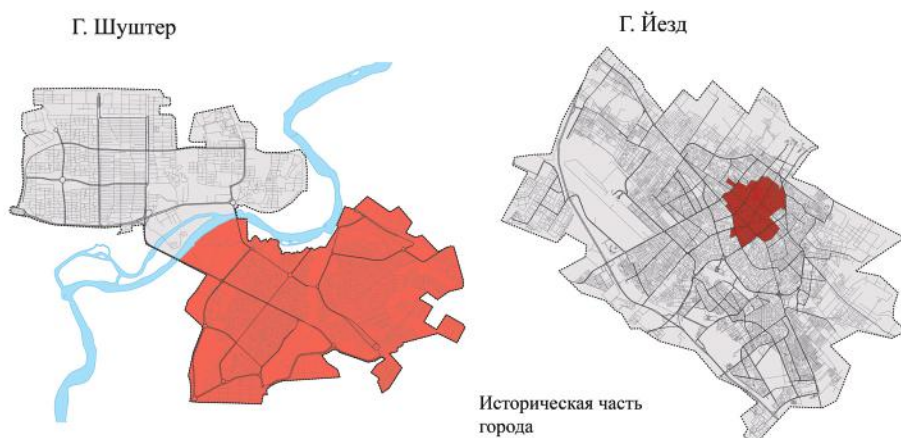

Рис. 2. Схема соотношения исторического ядра с современным городом. Схема Г.А. Пиманова.

Fig. 2. Scheme of the relationship between the historical core and the modern city.

Scheme by G.A. Pimanov.